

Содержание

ПАСТЕРНАК. ПОЧВА И СУДЬБА

7

ДОКТОР ЖИВАГО

ПЕРВАЯ КНИГА

Часть первая. Пятичасовой скорый

27

Часть вторая. Девочка из другого круга

46

Часть третья. Елка у Свинтицких

91

Часть четвертая. Назревшие неизбежности

122

Часть пятая. Прощание со старым

164

Часть шестая. Московское становище

201

Часть седьмая. В дороге

246

ВТОРАЯ КНИГА

Часть восьмая. Приезд

297

5

Часть девятая. Варыкино	321
Часть десятая. На большой дороге	353
Часть одиннадцатая. Лесное воинство	376
Часть двенадцатая. Рябина в сахаре	401
Часть тринадцатая. Против дома с фигурами	425
Часть четырнадцатая. Опять в Варыкине	470
Часть пятнадцатая. Окончание	520
Часть шестнадцатая. Эпилог	560
Часть семнадцатая. Стихотворения Юрия Живаго	576

ПОЧВА И СУДЬБА

Стихи и проза Бориса Пастернака представляют собой художественное претворение пережитых им событий, — их поэзию.

В первоначальном варианте своего краткого биографического очерка он недаром сказал: «...Написанного тут достаточно, чтобы дать понятие о том, как в моем отдельном случае жизнь переходила в художественное претворение, как оно рождалось из судьбы и опыта».

Борис Пастернак родился в Москве морозной ночью 29 января по старому стилю (10 февраля — по новому) в семье молодых художников — живописца и пианистки, для которых искусство было профессией и средством существования, то есть повседневным заработком. Мальчик привык к этому с первых дней жизни и не случайно в первой своей автобиографии 1924 года написал:

«Многим, если не всем, обязан своему отцу, академику Леониду Осиповичу Пастернаку, и матери, превосходной пианистке.

Образование получил в Московской 5-й классической гимназии и на историко-филологическом факультете Московского университета, каковой и окончил по философскому отделению в 1913-м году.

К литературе пришел поздно, все школьные годы отдав музыке и прошедши в ней полный курс композиции».

Упоминание о том, что в литературу он пришел поздно, означает, что, рано осознав необходимость заявить о себе в искусстве или науке, он много лет и сил отдал на поиски конкретного вида деятельности — языка самовыражения.

Ничто из приобретенного им в ходе этих поисков не пропало даром. Его стихи и проза несут в себе яркие свидетельства приобретенного в детстве пластического восприятия жизни, профессионального владения музыкальной композицией и сложившейся в студенческие годы дисциплины мысли, совмещенной с врожденной и не слабевшей с годами восприимчивостью и чувствительностью.

Наброски стихов и прозы встречаются еще на страницах студенческих конспектов 1910–1912 годов. В оформившийся раздел «Начальная пора», отредактированный в 1928 году, первым вошло стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать...», неизменно связанное у читателей с ранней московской весной и молодостью.

Остальные стихи этого раздела выбраны из первой книги стихов Пастернака, названной в тон тогдашним книжкам символистов, — «Близнец в тучах».

Вот что он писал о том, как они создавались летом 1913 года:

«Писать эти стихи, перемарывать и восстанавливать зачеркнутое было глубокой потребностью и доставляло ни с чем не сравнимое до слез доводящее удовольствие.

Например, я писал стихотворение «Венеция» или стихотворение «Вокзал». Город на воде стоял передо мной, и круги и восьмерки его отражений плыли и множились, разбухая, как сухарь в чаю. Или вдали, в конце путей и перронов, возвышался, весь в облаках и дымах, железнодорожный прощальный горизонт, за которым скрывались поезда и который заключал целую историю отношений, встречи и проводы и события до них и после них.

Мне ничего не надо было от себя, от читателей, от теории искусства. Мне нужно было, чтобы одно стихотворение содержало город Венецию, а в другом заключался Брестский, ныне Белорусско-Балтийский вокзал».

Последним летом, когда, по словам Пастернака, «любить что бы то ни было на свете было легче и свойственнее, чем ненавидеть», было лето 1914 года перед началом Первой мировой войны, которое застало его в роли домашнего учителя в семье поэта-символиста Ю.К. Балтрушайтиса на даче под Алексиным на Оке.

Следующей зимой он стал учителем сына богатого немецкого коммерсанта Морица Филиппа. Летом 1915 года во время анти-немецкого погрома его бумаги были сожжены вместе с хозяйским скарбом, и, когда год спустя ему предложили издать вторую книгу, от написанного за три года почти ничего не осталось.

В январе 1916 года он уехал на Урал конторщиком химических заводов, работавших на оборону, во Всеволодо-Вильву под Пермью.

Пребывание на просторах Урала и самостоятельная жизнь сказались благотворно. Пастернак много работал, писал прозу и стихи, освобожденные от групповой зависимости, в их числе такие, как ставшие хрестоматийными «Петербург», «На пароходе», «Марбург», и неоконченная поэма «Я тоже любил...», отрывок из которой он отдал впоследствии и издал в 1928 году.

Рукопись книги «Поверх барьеров» была сдана осенью и вышла к исходу 1916 года.

Уральские впечатления Пастернак всю жизнь хотел воплотить в прозе. Впервые он сделал это в маленьком эпизоде из неоконченной «Повести» (1929), а затем – во второй книге романа «Доктор Живаго», где под именем Юрятина описана Пермь, которую он посещал, будучи во Всеволодо-Вильеве. Партизанские главы романа несут отпечаток тамошних просторов и городского обихода, на которые проецируются события гражданской войны, почерпнутые из исторических источников.

Выход книги «Поверх барьеров» (1917) накануне Февральской революции был практически не замечен. Однако впоследствии ее известность росла. Живые зарисовки в ее стихах удивительны по силе, и в своем письме 1952 года Варламу Шаламову Пастернак относит некоторые из этих стихотворений к лучшему, что ему довелось написать.

Узнав о Февральской революции, он вернулся в Москву. Лето 1917 года – подзаголовок книги «Сестра моя жизнь». В ней отразился всеобщий подъем первых дней освобождения от застойного, давно требовавшего исторических перемен, порядка. Написанная по личному поводу – влюбленности в Елену Виноград, книга строится как литературное целое, в такт событиям современности, переходящей в историю.

Ее начальные главы свежи, как весенний дождь, как веяние свободы, охватившее людские толпы тем летом. Но революционный подъем не был использован Временным правительством. Насущные вопросы о мире, земле и свободе не решались, надвигался распад страны и общества. Эти наблюдения нашли отражение в стихотворении «Распад»:

И воздух степи всполошен:
Он чует, он впивает дух
Солдатских бунтов и зарниц.
Он замер, обращаясь в слух...

Вторая, прощальная часть книги несет тяжелое чувство надвинувшейся духоты. Это не только несчастная любовь, но и предчувствие будущей бури и ломки, которых не видел мир.

«Таким новым была революция, не по-университетски идеализированная под девятьсот пятый год, а эта нынешняя, из войны родившаяся, кровавая, ни с чем не считающаяся солдатская революция, направляемая знатоками этой стихии, большевиками».

Октябрьский переворот в первую минуту ощущался как выход из тягостной неопределенности. Первым декретам Советской власти хотелось верить.

«Но такие вещи живут в первоначальной чистоте только в го-

ловах создателей и то только в первый день провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку. Эта власть против нас. У меня не спрашивали согласия на эту ломку. Но мне поверили, а мои поступки, даже если я совершил их вслепую, меня обязывают». Так словами одного из персонажей Пастернак объяснял свое первоначальное отношение к революции в романе «Доктор Живаго».

«Сестра моя жизнь» была издана только в 1922 году, но стихи из нее ходили в списках и их знали наизусть – честь, которой, по словам В. Брюсова, удостаивался Пушкин. Восторженные статьи о ней писали критики и поэты разных направлений. Широкая известность обеспечила Пастернаку самостоятельное положение и независимость от литературных группировок.

В 1921 году он женился на студентке художественного института (ВХУТЕМАСа) Евгении Лурье, и они поехали к жившим в Берлине родителям Пастернака. Там в издательстве «Геликон» вышла его следующая книга стихов – «Темы и вариации». Пастернак не любил этой книги, считая ее «оборотной стороной» «Сестры моей жизни». В ней нашли отражение черты разрухи и трагизма послереволюционной России – «шум машин в подвалах трибунала», заглушавший расстрелы, голод и болезни, мучительный конец романа с Еленой Виноград.

Стихи этой книги Пастернак читал на своих поэтических вечерах, их с восторгом отметила критика, и через пять лет автор переиздал их вместе с «Сестрой моей жизнью» под общим названием «Две книги».

В условиях нарастающей несвободы, идеологической жесткости и лжи, сопутствующей уничтожению оппозиции в 1928 году и началу коллективизации, писать новое и искреннее становилось неимоверно трудно.

Отвечая на пожелания друзей и предложения редакций, Пастернак пишет две стихотворные хроники о революции 1905 года («Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт»), опыт работы над которыми был для него мучителен. Работая над романом в стихах «Спекторский», Пастернак лишний раз убедился, что хотя эпический жанр в поэзии был единственно приемлемым тогда приемом, но он не годился для передачи глубины исторических событий и их последствий.

Большую радость ему доставила работа над новой версией «Поверх барьеров. Стихи разных лет», куда он включил кардинально переделанные стихотворения двух своих первых книг и раздел новых, посвященных друзьям, событиям и описаниям природы. В эту книгу вошло и большое эпическое стихотворение «Высокая болезнь» с беглым определением роли Ленина и знаменитой прощальной концовкой.

Я думал о происхожденьи
Века связующих тягот.
В столетье раз приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Жить становилось невыносимо трудно. 1929 год Пастернак в своей автобиографии «Охранная грамота» определил как «последний год поэта». Весной 1930 года застрелился Маяковский. Чтобы на время вырваться из душливой атмосферы, Пастернак попросил, чтобы его отпустили за границу навестить родителей, но ему отказали.

Альтернативой стала новая книга стихов «Второе рождение», посвященная Зинаиде Нейгауз, вскоре ставшей его второй женой, поездке в Грузию и дружбе с поэтами Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе.

Книга открывается большим программным стихотворением, в котором провозглашается стремление к простоте и открытости новой манеры, несмотря на предстоящие на этом пути опасности:

В родстве со всем, что есть уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим:
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.

Делалось много попыток объяснить это парадоксальное положение. Избегали понимать наиболее простое и прямое – осуждение социального теоретизирования во славу жизни как таковой. Вообще, к счастью для Пастернака, критики боялись понимать его смелые высказывания прямо и конкретно и предпочитали обвинять его в целом, как поэта-идеалиста, далекого от народа. Так, при обсуждении «Второго рождения» и недавно вышедшей «Охранной грамоты» дело дошло до прямых обвинений в контрреволюции. Тем не менее на первом Съезде писателей он был выбран в правление союза, а докладчики Н. Бухарин и Н. Тихонов ставили его в пример молодым поэтам, что вызвало пожизненную ненависть к нему со стороны тех, кто со временем стал руководителями Союза писателей.

В 1934 году был арестован Мандельштам, а через год сын и муж Ахматовой. Пастернак хлопотал об их освобождении, что тогда принесло временный успех.

Надежды Горького и Бухарина на новую конституцию и смяг-

чение гнета сказались на отношении Пастернака к власти, и он писал об этом впоследствии: «...Мне хотелось чистыми средствами и по-настоящему сделать во славу окружения, которое мирволило мне, что-нибудь такое, что выполнимо только путем подлога. Задача была неразрешима... Я сходил с ума и погибал».

Он заболел тяжелой бессонницей, попал в санаторий и в этом состоянии был отправлен в Париж на «Конгресс в защиту культуры», откуда вернулся в еще более худшем состоянии.

Тем временем обстановка в стране резко изменилась.

«Именно в 36-м году, когда начались эти страшные процессы (вместо прекращения поры жестокостей, как мне в 35-м году казалось), все сломилось во мне и единение со временем перешло в сопротивление ему, которого я не скрывал. Я ушел в переводы. Личное творчество кончилось».

К стихотворным переводам этого времени относятся, в первую очередь, переложения новой грузинской поэзии, практически равные ее созданию на русском языке.

В 1936 году Пастернак получил в аренду дачу в писательском поселке Переделкино, что позволило ему отказаться от участия в общественной жизни.

Мейерхольд попросил Пастернака перевести шекспировского «Гамлета», которого он хотел поставить в Александрийском театре. Работа захватила Пастернака. По мере завершения он читал перевод друзьям и знакомым, стремясь сделать русский текст живым и понятным, как в оригинальной русской трагедии.

В 1939 году Мейерхольд был арестован, а его жену зарезали на пороге квартиры. Перевод заканчивался без определенных постановочных планов. Однако его приняли к постановке во МХАТе, работа над которой длилась годы и не была осуществлена.

Накануне войны, может быть в ее предвидении, Пастернак начал писать новый цикл стихов, позднее получивший название «Переделкино».

Ахматова записала свой разговор с Пастернаком:

«В июне 1941 года, когда я приехала в Москву, он сказал мне по телефону: «Я написал девять стихотворений. Сейчас придите читать». И пришел. Сказал: «Это только начало – я распишусь».

Ахматова вспоминала прежнее состояние «долгого и мучительного антракта, когда он действительно не мог написать ни одной строчки». «Это уже на моих глазах, – записала она. – Так и слышу его растерянную интонацию: "Что это со мной?"»

В августе 1940 года она видела его на даче и считала, что именно жизнь в Переделкине, когда «он, в сущности, навсегда покидает город», его «встреча с природой» помогла Пастернаку преодолеть этот тяжелый период молчания.

«Природа всю жизнь была его единственной и полноправной Музой, его тайной собеседницей, его Невестой и Возлюбленной, его Женой и Вдовой – она была тем же, чем была Россия – Блоку. Он остался ей верен до конца, и она по-царски наградила его. Удущье кончилось».

Но природа для Пастернака – не предмет для пейзажных зарисовок, это другое название жизни, пример душевного здоровья, естественности и красоты, которые нужно перенести в искусство, приобщить к духовному миру человека. В своей статье 1918 года «Несколько положений» Пастернак называл ее «удачным замыслом воображенья», который «служит поэту примером в большей степени, нежели – натурой и моделью». Его стихи о природе Переделкина говорят о воспоминаниях детства и моря, об ожидании конца, об основах артистизма, будят надежду и благодарность, рождают чувство любви к простым людям, легко и мужественно переносящим выпавшие на их долю лишения.

На новой поэтике Пастернака, нашедшей выражение в цикле 1940 года, сказалась работа над переводом «Гамлета». Так же, как в период становления своей творческой манеры, Пастернак в переводах Клейста и Суинберна, делавшихся в 1910-х годах, учился умению коротко и живо передавать повороты мысли другого поэта и на новом уровне приобретенных возможностей написал «Поверх барьеров» и «Сестру мою жизнь», – так теперь опыт Шекспира помог ему взять высоту нового мастерства.

Маленькая книжка «На ранних поездках», открывавшаяся циклом «Переделкино» и включившая циклы 1936 года, вышла летом 1943 года. Через два года в сборнике «Избранные стихи и поэмы» были полностью изданы стихи, написанные во время войны, за исключением «Памяти Марины Цветаевой» и первой главы поэмы «Зарево», при жизни Пастернака не издававшихся. Этот небольшой сборник стал последним прижизненным изданием оригинальных работ Пастернака.

Писание стихов и поэзия не были для него синонимами. Он всю жизнь писал прозу, видя в ней значительно больше возможностей для лирического самовыражения.

В словах героя своего романа «Доктор Живаго» он передал собственное отношение к прозе:

«Он еще с гимназических лет мечтал о прозе, о книге жизнеописаний, куда бы он в виде взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать. Но для такой книги он был еще слишком молод, и вот он отделился вместо нее писанием стихов, как писал бы живописец всю жизнь этюды к большой задуманной картине.

Этим стихам Юра прощал грех их возникновения за их энер-

гию и оригинальность. Эти два качества, энергии и оригинальности, Юра считал представителями реальности в искусствах, во всем остальном беспредметных, праздных и ненужных».

В 1915–1916 годах Пастернак пишет несколько новелл, из которых были напечатаны первая – «Апеллесова черта» и посмертно, по черновикам, – последняя «История одной контрактавы».

Продолжением лирического порыва стихов «Сестры моей жизни» осенью 1917 года стала работа Пастернака над романом, отделанное начало которого было опубликовано под названием «Детство Люверс». Его продолжение объемом в 25 печатных листов Пастернак сжег в 1931 году.

В начале 1929 года он работает над прозаическим замыслом, связанным с героем его романа в стихах «Спекторский». Небольшая часть этой прозы была напечатана под названием «Повесть». О своем желании продолжить писание романа 1930-х годов Пастернак писал Горькому:

«Я долго не мог работать, Алексей Максимович, потому что работою считаю прозу и все она у меня не выходила. Как только округлялось начало какое-нибудь задуманной вещи, я в силу матерьяльных обстоятельств (не обязательно плачевных, но всегда, все же, – реальных) его печатал. Вот отчего все обрывки какие-то у меня, и не на что оглянуться. Я давно, все последние годы мечтал о такой прозе, которая, как крышка бы на ящик, легла на все неоконченное и досказала бы все фабулы мои и судьбы.

И вот совсем недавно, месяц или два, как засел я за эту работу, и мне верится в нее, и очень хочется работать. На ближайший месяц мне и незачем ее оставлять, – пока что, можно. Но мне долго придется писать ее, не в смысле вынашивания или работы над стилем, а в отношении самой фабулы; она очень разбросанная и развивается по мере самого исполненья.

Короче говоря, по счастью (для вещи), ее нельзя публиковать частями, пока она не будет вся написана, а писать ее придется не меньше года. И еще одно обстоятельство, того хуже: по исполненью ее (а не до того) придется поехать по местам (или участкам жизни, что ли), в нее вовлеченным».

Пастернаку не удалось поработать, как ему хотелось. Был расторгнут договор на собрание сочинений, «Охранную грамоту» исключили из переиздания сборника прозы. Но между работой над переводами он вновь обратился к своему роману.

Это был роман о поколении, молодость которого пришлась на 1910-е годы, главным героем его был поэт, полуполяк по происхождению, Патрикий Живульт. Отдельные главы романа были опубликованы в журналах, рукопись его сгорела на даче во время войны. Несколько отделанных глав, которые Пастернак

предлагал «Знамени», были найдены в архиве журнала и опубликованы после смерти автора под названием «Записки Патрика».

Роман о Патрике так и не был дописан, и дело не только в необходимости заработка. Проза историческая, способная на то, чтобы «вернуть истории поколение, видимо, отпавшее от нее», которое попало под власть мертвой идеологии и выбрало безличье вместо живого лица и общие крикливые фразы вместо личного, выстраданного и высказанного, требовала реальных оснований. Им стала купленная ценой неслыханных жертв победа в войне против немецкого национал-социализма на стороне живых сил мирового сообщества. Таков был начальный импульс работы над «Доктором Живаго» в 1945–1946 годах.

Несмотря на то, что «просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное содержание». Такова была сила, заставившая Пастернака в течение десяти лет писать роман, одновременно зарабатывая переводами («Фауста», Шекспира и т.д.).

Во времена самого тяжелого гнета он был уверен: изменения к лучшему начнутся с духовного пробуждения общества. Эта вера особенно глубоко проявилась с предвестием перелома в войне.

«Если Богу будет угодно и я не ошибаюсь, – писал Пастернак летом 1944 года, – в России скоро будет яркая жизнь, захватывающе новый век и еще раньше, до наступления этого благополучия в частной жизни и обиходе, – поразительно огромное, как при Толстом и Гоголе, искусство. Предчувствие этого заслоняет мне все остальное неблагополучие и убожество моего личного быта и моей семьи, лицо нынешней действительности, домов, улиц и пр. и пр. Предчувствием этим я связан с этим будущим, не замечаю за ним невзгод и старости и с некоторого времени служу ему каждой своей мыслью, каждым делом и движением».

Такой «службой будущему» стала для Пастернака работа над романом «Доктор Живаго». Надежды, составлявшие историческое содержание первых послевоенных лет, пробудили в нем желание написать большое прозаическое произведение, содержательное и доступное, куда, как «звездные скопления», включались бы давно продуманные мысли о жизни и красоте как свете повседневности.

К этому времени у него определилось очень строгое отношение к своему литературному прошлому и тому послесимволистскому поколению, к которому он принадлежал, – его все более привлекало желание взять на себя задачу продолжения сделанного его старшими современниками, Рильке и Прустом. «Я хо-